

ШОКИРУЮЩАЯ ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

ЗАГАДОЧНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

ПРИЗРАКИ ВЕЛИКОГО ГОРОДА

МОСКВА 2023

УДК 908(470.23-25)
ББК 63.3(2-2Санкт-Петербург)
Б94

Бушков, Александр Александрович.
Б94 Загадочный Петербург : призраки великого города / Александр Бушков. — Москва : Эксмо, 2023. — 352 с. — (Бушков. Шокирующая история Российской империи).

ISBN 978-5-04-155655-6

Петр I выбрал для этого города зловещее место на болотах и запретил «каменное строение» по всей России. Весь камень поехал в Петербург. И спустя всего несколько лет из обычного военного укрепления в Петропавловской крепости вырос центр русского искусства и культуры, науки и техники, торговли, промышленности, благотворительности. Стал он также городом воинской славы — об него сломали зубы и шведы, и французы, и немцы. Город с удивительной историей и судьбой.

Неспроста с Петербургом связано множество мифов и легенд о мистических соприкосновениях с потусторонним миром. Это подчас невообразимые, не поддающиеся объяснению исторические факты о призраках и пророчествах, которые касаются как простых людей, так и коронованных особ. Чего стоит, к примеру, история пребывания в стольном граде звездной троицы легендарных мистиков Калиостро, Казановы и Сен-Жермена? А мрачные слухи о жутких столах пяти повешенных декабристов, которые раздаются по утрам в туманном мареве возле кронверка? Или воспоминания А.С. Пушкина, которому гадалка, промышляющая на Невском, предсказала скорую и неестественную смерть...

УДК 908(470.23-25)
ББК 63.3(2-2Санкт-Петербург)

© Бушков А.А., 2023
ISBN 978-5-04-155655-6 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Я не настолько самонадеян и глуп, чтобы объявлять себя первооткрывателем. За последние сто пятьдесят лет написано немало отличных книг по истории Петербурга, тех или иных сторонах его жизни, как тех, что заслуживают только похвалы, так и тех, что лучше бы забыть. Я просто-напросто, как мог и сумел, попытался внести свой скромный вклад в летопись Петербурга и его жителей.

Петербург — город в чем-то уникальный. Основан он был по жестокой воле Петра I, при необходимости ломавшего все, вплоть до того, что казалось до него незыблемыми основами жизни. Ради постройки города на болотах, где строительство, казалось, невозможно, была, если называть вещи своими именами, надолго ограблена вся страна: повсюду в России было запрещено «каменное строение», весь камень уходил в Петербург. Какое-то время новый город откровенно ненавидели практически все: от рабочих, трудившихся

в жутких условиях, до купцов, дворян, бояр, которых по указу Петра насильно переселяли в новую град-столицу. Но прошло несколько десятилетий, и Россию попросту нельзя было представить без Петербурга. Как Москву без собора Василия Блаженного. Как Париж без Эйфелевой башни — против которой, «чудовища, уродующего облик Парижа», выступали очень многие, в том числе и видные деятели культуры (попробуйте сегодня предложить парижанам снести башню — убежать, думаю, придется очень быстро...).

За все хлопоты, неудобства, потрепанные нервы и переживания Петербург расплатился с Россией сполна. Из чисто военного поначалу укрепления, Петропавловской крепости, стал могучим центром русского искусства и культуры, науки и техники, торговли, промышленности, благотворительности. И городом воинской славы — об него сломали зубы и шведы, и французы, и немцы.

Еще одно немаловажное обстоятельство. Москва при всех ее свершениях и достижениях осталась в истории как некий символ милой патриархальной старины. Петербург — стал подлинным «окном в Европу», где причудливо и неразрывно переплелись русское и западноевропейское мышление, русские талант и любознательность слились с европейской наукой и техникой. Ни в одном другом городе России не обитало столько иностранцев, приехавших не на «ловлю счастья и чинов», а чтобы работать для России. Многие

Загадочный Петербург...

из них натуральным образом обрусели, и называли их исключительно русскими именами, причем они ничего не имели против. Курьеза ради нужно отметить: порой иностранные «спецы» перенимали у новой родины далеко не самое лучшее. Во времена Ломоносова один ученый немец из Академии наук принял совершенно русскую смерть: упившись в праздник в хлам, кувыркнулся из саней так неудачно, что убился насмерть. Но это именно что курьез...

Как и в любом большом городе, под какими бы широтами он ни располагался, история Петербурга полна самых разных страниц — и славных, и неприглядных. А потому стоит рассказать обо всех — из песни слова не выкинешь...

Глава 1

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ

Эта книга будет посвящена явлениям, имеющим много имен. Одни называют это мистикой, другие — соприкосновением нашего мира с потусторонним, а третьи считают сказками. Растекаться мыслью по древу не будем. Интересных тем немало, но трудно объять необъятное. А потому ограничимся двумя темами, не самыми увлекательными, но безусловно интересными. Речь пойдет о призраках и пророчествах, касающихся как отдельных людей, в том числе и коронованных, так и целых городов, в частности, как легко догадаться, Петербурга.

Думается мне, для начала следует расставить знаки препинания и четко обозначить авторскую позицию, что прямо-таки необходимо.

Атеисты и материалисты, конечно, вправе считать все связанное с потусторонним миром выдумкой и не верить в его существование — правда,

при этом они обязаны уважать тех, кто выражает противоположную точку зрения, то есть верующих (увы, на практике обе стороны частенько проявляют крайнюю нетерпимость к оппонентам, что, мягко говоря, грустно).

Поскольку автор этих строк человек верующий (каюсь, нерадивый, увы), нетрудно догадаться, на какой из точек зрения он будет стоять. Верующий человек просто-таки обязан следовать догматам церкви, к которой принадлежит. Ну, разумеется, сегодня не существует силы, способной его к этому принудить. В любой момент от соблюдения всех и всяческих догматов можно отказаться — вот только предварительно следует свою церковь покинуть. Нельзя оставаться в ее рядах и в то же время не соглашаться с точкой зрения Церкви хотя бы частично; Льва Толстого не «отлучили», а отрешили от церкви (а это два разных понятия) как раз за то, что он признавал Священное Писание лишь частично: вот этому месту я верю, этому не верю, этому верю, этому не верю...

И христианство (как католики, так и православные), и ислам (как шииты, так и сунниты) признают и существование духов и призраков, и реальность волшебства, гаданий, предсказаний будущего. Уже в библейском Ветхом Завете, в Первой книге Царств, повествуется, как женщина, именуемая Аэндорской волшебницей, по просьбе царя Саула вызвала призрак (собственно, дух) пред-

шественника Саула царя Самуила, и Саул узнал от него будущее.

Однако признать — вовсе не означает принять. И христианство, и ислам предостерегают верующих и от общения с призраками, и от пользования услугами всевозможных прорицателей. Задолго до пришествия Христа пророк Моисей запрещал какие бы то ни было магические практики. Тот же Саул, до того как встретиться с колдуньей, изгнал из страны «волшебников и гадателей». В Коране есть прямое запрещение прибегать к услугам «гадателей и прорицателей». Мотивировка изложена подробно и никаких тайн не содержит. Знать будущее человека может только Творец, создавший и мир, и людей. Вот и получается, что человек, через прорицателя узнавший о своем будущем (узнавший правду), тем самым покусился на знание, доступное лишь Создателю, и попытался поставить себя вровень с Богом...

Есть и другое, весьма существенное обстоятельство. О нем (и далеко не первым) почти сто лет назад писал английский католический священник, историк и литературовед, знаток ведовства, автор нескольких интересных книг Монтегю Саммерс.

Речь в данном случае пойдет о широко распространенном тогда спиритизме, то есть вызывании духов умерших и беседах с ними. «Итак, как же нам относиться к этому мощному движению, смеяться над которым было бы глупостью, а игнорировать которое невозможно? Католиче-

ская церковь не делает ни первого, ни второго. Тем не менее она безоговорочно предает его анафеме. Не потому, что она не верит в реальность того, чем занимаются спириты, но как раз потому, что верит полностью и знает, какие движущие силы стоят за всем этим, как бы ни пытались прятаться они под иными личинами, как бы тонко и быстро они ни действовали... Второй пленарный собор в Балтиморе (1866) <...> предостерегает христиан от оказания какой-либо поддержки спиритизму и запрещает им посещать сеансы пусть даже из чистого любопытства, поскольку некоторые из явлений, которые там имеют место, могут быть объяснены лишь через вмешательство демонических сатанинских сил».

Православная Церковь решительно расходится с католической в некоторых весьма существенных вопросах, но в том, что касается отношения к призракам, духам и предсказаниям, придерживается той же точки зрения: не сомневается в реальности и первого, и второго, и третьего, но точно знает, кто за всем этим стоит, и считает, что это может принести только вред.

Классический, можно сказать, пример — пьеса Уильяма Шекспира «Гамлет». Тем, кто подзабыл классику, можно напомнить сюжет. К датскому принцу Гамлету в ненастную ночь является призрак его отца, умершего безвременно и неожиданно, и открывает тайну: это было убийство. Заговор составили супруга короля и его родной

брат. Посланный ими злодей влил яд в ухо спавшему в саду королю. Брат занял опустевший трон и женился на вдове.

Гамлет, что неудивительно, решает отомстить. В конце концов заговорщики поплатятся жизнью. Вот только до этого случится убийство и самоубийство, причем умрут люди, совершенно непричастные к убийству короля. В финале, где дерутся на мечях, можно сказать, все против всех, умрет и сам Гамлет, успев перед этим убить своего противника, опять-таки ничуть не причастного к отравлению короля. Повсюду кровь и трупы...

В более близкие к нам столетия, когда религия потеряла для людей прежнее значение и очень немногие уже разбирались в некоторых тонкостях, незаметно утвердилось убеждение, что Гамлету явился именно призрак покойного отца. Расхожим выражением стало «тень отца Гамлета». Меж тем современники Шекспира расценивали печальную историю Гамлета совершенно иначе. Они-то точно знали, кто прикинулся призраком, — дьявол. Историки доказали: судя по подробно описанным деталям явления призрака, это был именно что дьявол. Он с давних времен именуется «отец лжи», но порой сообщает чистейшую правду. Которая сама по себе, к величайшему сожалению, сплошь и рядом способна принести одни несчастья, смерть и кровь...

Точно так же, кстати, произошло и с незадачливым царем Саулом. Пришедший к нему гость

из потустороннего мира напороочил одно горе. Не только подтвердил опасения Саула, что Бог совершенно от него отвернулся, но сообщил, что Саул потеряет свое царство, и даже сказал, к кому именно оно перейдет. Близкое будущее сложилось даже еще хуже: Саул не просто лишился трона — он погиб в сражении вместе со своими тремя сыновьями.

Среди богословов былых времен не раз вспыхивали дискуссии о том, кем же был гость Саула — призраком настоящего Самуила или притворившимся таковым дьяволом. К единому мнению так никогда и не пришли за отсутствием точных доказательств: приход призрака описан так кратко, что однозначный вывод сделать невозможно. Весьма даже не исключено, что Шекспир об этих дискуссиях знал и в своей пьесе заложил смысл, который тогдашние зрители прекрасно понимали: «Гамлет» — не просто история о коварстве, злодействе и мести. Это в первую очередь печальная повесть о том, сколько зла способна принести чистейшая правда, если она рассказана дьяволом...

Точно так же обстоит и с предсказаниями будущего — довольно часто человек опять-таки узнает чистейшую правду, которая ничего хорошего ему не приносит, как произошло и с царем Саулом. Интересная подробность: порой предсказания бывают сформулированы крайне туманно. Такое впечатление, что предсказатель и сам не в состоянии точно описать то, что ему открылось. Порой эти

«туманные» предсказания опять-таки не приносят ничего хорошего: люди истолковывают их на свой лад, рассчитывая только на лучшее, но случается и наоборот...

Классический пример — сохранившийся в старинных венгерских хрониках случай с молодым человеком из небогатого дворянского семейства. Чтобы узнать будущее любимого сына, родители отправились к колдунье. Ее предсказание было кратким и вроде бы четким: «Он умрет, окруженный королевской роскошью». Родители, как многие на их месте, посчитали, что это означает для молодого человека долгую и счастливую жизнь, несомненное богатство в будущем, тем более что юношу удалось пристроить королевским пажом.

Очень скоро случился пышный праздник, и король со свитой передвигался по столице. Как всегда в таких случаях, кавалькада блистала: дорогие ткани, меха, усыпанное самоцветами оружие, золото, сверкание алмазов... Лошадь юного пажа заартачилась и сбросила всадника. Ударившись головой о камни мостовой, он умер на месте — и, как было предсказано, умер, окруженный королевской роскошью...

Случилось так, что автору этих строк в свое время пришлось самому столкнуться с подобным туманным предсказанием — к счастью, не принесшим ровным счетом ничего плохого. Однако история примечательная и полностью укладывается в классическую картину...

Более сорока лет назад наш отряд геологов почти три месяца был на постое в жуткой глуши, в небольшой деревушке. В таких вот захолустных деревнях, особенно в Сибири, и сегодня можно столкнуться кое с чем, не укладывающимся в рамки материализма... Когда мы там обжились и стали приятельствовать с местными, узнали, что одна старушка, как принято выражаться в Сибири, «что-то такое знает». И в частности способна безошибочно предсказать будущее. Примеров имеется столько, что никто в этом не сомневается.

Когда мы это обсудили, люди постарше единодушно решили, что связываться с предсказаниями будущего никак не стоит. Я же в двадцать один год был молод и глуп. Взял пару банок тушенки, страшного в ту пору дефицита не только в деревнях, но и в городах, и отправился к бабке.

Старуха подошла к делу добросовестно и трудилась долго. Я не понимал, что она делает (да и сейчас далеко не все понимаю), но в конце концов стало ясно: что-то у нее не выходит. Закончилось дело тем, что она отказалась от всех попыток и сказала честно:

— Ничего я, парень, не понимаю, хоть убей. Выходит, с одной стороны, что будешь ты благополучный и ох как не бедный. А с другой... Вот вижу я, что ты печку топишь и топишь, кочага-ришь всю. Другому я бы сказала, что он кочагаром будет, а про тебя никак не выходит, живешь

в достатке, куда там кочегару. Но кочегаришь и кочегаришь. Ничего не понимаю...

После этого мне пару раз приходилось топить в лагере сложенную на скорую руку походно-полевую печку, но под определение «кочегаришь» это безусловно не подходило. Вообще-то до шестнадцати лет я прожил в дощатом бараке, согревавшемся лишь обычной печью, топившейся дровами и углем, — но потом мы переехали в городскую квартиру с батареями центрального отопления и электрической плитой. В таких квартировал столько же времени, сколько провел на печи Илья Муромец — тридцать лет и три годика, — так что крепенько подзабыл, что такое топить печку.

Ну а потом, когда дела пошли хорошо и в самом деле появился нешуточный достаток, построил дом, куда с женой и переехал. Первая же зима оказалась на редкость суровой, так что тепла батареи давали недостаточно и нужно было подтопить в устроенной в подвале котельной.

Старые навыки остались. Спустился в подвал, затопил печь и сидел себе, глядя на огонь, помаленечку прихлебывая пиво из двухлитрового баллона — где это вы видели непьющего кочегара? Было уютно, покойно и хорошо. Однако понемногу появились странноватые посторонние мысли: что-то мне все это напоминает определенно... В конце концов вспомнилось нечто, почти совершенно забытое за тридцать прошедших лет:

деревня, бабкина избушка, все, что она тогда говорила...

Все совпадало: человек отнюдь не бедный, живущий, в общем, в достатке, какой в молодости не снился, кочегарил и кочегарил. Действительно, старушка не смогла в точности определить, что именно ей открылось: житейский опыт тех лет не знал частного предпринимательства. Небедные дома с собственной котельной в подвале существовали и тогда, конечно, но были редкой экзотикой, которую мало кто видел своими глазами...

И наконец, никак нельзя обойти вниманием весьма многочисленную разновидность «магов», «волшебников» и «алхимиков», вполне сознательно, «с заранее обдуманном намерением» дуривших головы доверчивым простакам ради неплохого лавэ.

И в Европе, и в России они завелись давненько, еще в Средневековье. Помимо реальных знающих людей, к которым следует относиться серьезно (автор этих строк основывается на солидном жизненном опыте), появилось немало мошенников невысокого полета. Какая-нибудь хитрая деревенская баба открытым текстом объявляла себя ведьмой и колдуньей, попугивая односельчан: если не будет почета и уважения, ежели не поклонятся с горшочком маслица, курочкой, гусиком, она в два счета посевет градом побьет, напустит порчу на скотину, а то и на хозяев. Народ верил и маслице с битой птицей носил регулярно.

По всей Европе болтались алхимики, обещавшие владетельным особам и королям в два счета изготовить кучу золота из любого мусора. Иным свезло, удавалось унести ноги с кое-какими денежками. Других, не утруждаясь судебными разбирательствами, вешали повыше, некоторых — на позолоченных ради такого случая виселицах.

Немаловажная деталь: до определенного времени вся эта публика работала в глубоком подполье, соблюдая максимум конспирации. Поскольку действовала обладавшая большими полномочиями организация, именовавшаяся Святой инквизицией, без церемоний отправлявшая изобличенных если не на костер, то на галеры. С наступлением либеральных времен на инквизицию обрушилась лавина клеветы и потоки грязи. Ее представляли чем-то вроде филиала ада на земле, изображая сборищем тупых садистов, по малейшему подозрению хватавших невинных людей толпами и отправлявших их на костер рядами и колоннами. Работала та же методика, что и в случае со Сталиным, которому вопреки сохранившимся и опубликованным документам до сих пор иные скорбные умы субъекты приписывают прямо-таки десятки миллионов расстрелянных и загнанных в лагеря безвинных людей. Точно так же обстояло и с инквизицией — причем ей не просто приписывали фантастическое число безвинных жертв, какое только умещалось в сознании фантазеров, — а еще и цинично объявляли «жертвами инквизиции»

казненных в Англии, Шотландии, Швейцарии, протестантских германских государствах — там, где инквизиции не было вовсе, Римская церковь не имела ни малейшего влияния, а католики обладали даже меньшими правами, чем американские негры до отмены рабства (в относительно недавние времена английский католик, чтобы отъехать на двадцать миль от места постоянного проживания, обязан был сначала получить разрешение местных властей).

Потом подключились еще и феминистки, которые завелись на Западе не вчера и даже не позавчера, а лет сто тридцать назад. Нервические дамочки внесли в критику инквизиции свою специфику, уверяя, будто инквизиция преследовала исключительно женщин, особенно имевших несчастье родиться красивыми (порой этот бред на полном серьезе повторяется и сегодня). Еще в 1893 году американка Матильда Гейдж публично заявляла, будто инквизиция за все время своего существования извела смертью аж девять миллионов человек, причем исключительно женщин — о, эти злобные и подлые сексистские мужчины... Никаких доказательств она не предъявляла, но «сестры по разуму» верили ей и так, и санитаров никто не вызывал, хотя следовало бы.

Положение изменилось лишь лет шестьдесят назад, когда за дело взялись серьезные историки, склонные верить не жутким сказкам, а документам — благо обширные архивы инквизиции со-

хранились едва ли не целиком. После их тщательного изучения выяснилось, что число «безвинных жертв» преувеличено в разы, на несколько порядков, а сами жертвы в подавляющем большинстве попадали под раздачу за вполне конкретные прегрешения. Что было доказано с документами в руках — но, как частенько случается, многих это нисколько не убедило...

XVIII век часто и до сих пор пышно и пафосно именуется Веком Просвещения, а то и Веком Разума. Как водится, лицевая сторона медали выглядит крайне благолепно: на смену «средневековым поповским сказкам» пришло «научное знание», наука и в самом деле, можно сказать, пошла в широкие массы, перестав быть уделом узкого замкнутого круга ученых мужей, который так и тянет с некоторым на то основанием обозвать кастой. Так же обстояло и с образованием, понемногу распространявшимся и на те слои населения, которым прежде как-то даже и не полагалось уметь читать и писать. Резко подешевели книги, распространились газеты, вслух без малейшей опаски высказывались взгляды и теории, за которые совсем недавно можно было свести самое тесное знакомство с инквизицией либо соответствующими протестантскими службами (протестанты всегда искореняли колдовство и вольнодумство самым жестоким образом, свои организованные структуры, мало чем отличавшиеся от инквизиции, существовали и у них).

Вот только у всякой медали есть и обратная сторона. Атеизм и вольнодумство довольно быстро приняли самые оголтелые, авторитарные формы и в конце концов взорвались Французской революцией и серьезными беспорядками еще в нескольких странах, разве что не такими кровавыми...

Еще прусский король Фридрих Великий, не только отличный полководец, но и один из образованнейших людей своего времени, в письмах к знаменитому французскому ученому маркизу д'Аламберу сформулировал тезис, который на современный язык перевести нетрудно: научно-технический прогресс сам по себе вовсе не влечет прогресса в культуре, этике, морали, общественных отношениях. Чем значительно опередил свое время. Очень долго были в ходу совершенно противоположные взгляды, о которых Илья Ильф как-то иронично отозвался: «Считалось — будет радио, и будет счастье. Вот радио есть, а счастья нет». Высказанные Фридрихом Великим идеи широко распространились в умах после Второй мировой войны, когда гроыхнули атомные взрывы в Хиросиме и Нагасаки, и многие поняли, что прогресс оборачивается какой-то другой стороной...

Вернемся в XVIII век. Уже не опасаясь инквизиции и протестантских спецслужб, по Европе табунами бродили всевозможные шарлатаны. Алхимики, правда, и в наступившие толерантные вре-

мена рисковали изрядно. Один такой, итальянец, неосмотрительно заявился к прусскому королю Фридриху-Вильгельму, отцу Фридриха Великого, и пообещал сделать ему кучу золота из сущего дерьма. И то ли не успел, то ли не сумел вовремя сбежать. Потратил немало денег, но золота не сделал ни крупинки. Король был мужиком суровым, он и собственного сына, обнаружив у того нездоровую склонность к изящной словесности и философии, колотил палкой и обещал посадить в крепость, если не исправится. Алхимика без церемонией вздернули, не заморачиваясь золочением виселицы. Другого, немца Бетгера, старательно искавшего волшебный философский камень, цинично похитили агенты саксонского короля. Впервые в мире, задолго до времен Сталина, появилась самая натуральная шарашка. Практичные саксонцы обустроили отличную лабораторию, запихнули туда содержавшегося на тюремном режиме Бетгера и настрого наказали ударными темпами искать заветный камень — а то и виселицы совсем неподалеку найдутся. Как ни бился Бетгер, философского камня так и не обнаружил — зато мимоходом нашел способ делать отличный фарфор, не уступающий китайскому (до того в Европе делали лишь фаянс — снаружи как фарфор, а вот внутри, как ни старайся, — темная масса). Отсюда и берут начало знаменитые саксонские фарфоровые фабрики, изрядно обогатившие казну и предпринимателей.

Гораздо безопаснее и прибыльнее жилось, как мы сегодня бы выразились, всевозможным экстра-сенсам, которые были в большом гламуре. Они стригли лохов (в том числе коронованных) в массовом порядке — вызывали добрых духов, изгоняли злых, увеличивали драгоценные камни, гадали и ворожили, рисовали гороскопы, торговали волшебными зельями, а также если не бессмертием, то долголетием в несколько тысяч лет... В общем, всего не перечислишь. Эти в крайнем случае отделялись лишь высылкой из города или страны — но случалось это редко.

Звездами первой величины среди этой публики заслуженно считается отнюдь не святая троица: итальянцы Калиостро и Казанова и субъект, чаще всего звавшийся Сен-Жерменом, — правда, у него в запасе была еще дюжина фамилий: французская, немецкая, русская, испанская, португальская, еврейская, венгерская (оба итальянца, надо отдать им должное, обходились собственными). Все трое титуловали себя графами — так гламурнее. Казанова и Сен-Жермен графьями были липовыми, а вот Калиостро, забавно, самым настоящим, титул он официальным образом получил от тетушки, у которой не было детей, способных графство унаследовать. Интересно, что оба итальянца в юности имели прямое отношение к церкви: Калиостро не доучился в духовной семинарии, откуда сбежал, Казанова закончил таковую, а заодно и Падуанский университет. Какое образова-

ние получил Сен-Жермен и получил ли вообще, навсегда останется загадкой — как и его настоящее имя, национальность, место рождения...

Об увлекательных и лихих похождениях каждого из этой троицы можно написать отдельную толстую книгу, но к нашей главной теме это не имеет отношения (да я писал о них подробнее в книге о Екатерине II. Отмечу лишь интересную подробность: больше всего этим прохвостам везло, больше всего денежек они насшибали в самых передовых, прогрессивных, цивилизованных, образованных европейских странах: во Франции (особенно во Франции), в Англии, в Нидерландах. Стоило им заглянуть в места значительно менее цивилизованные, Фортуна всякий раз отворачивалась...

Еще до того, как в наших палестинах побывали оба итальянца, при Елизавете в Санкт-Петербурге объявился колоритный персонаж, итальянский алхимик, судя по всему, искренне полагавший, что в дикой и варварской России ему свезет. Предложил в хорошем стиле своих коллег наделать *кучу* золота из битых горшков, за что просил не только много-много денег, но еще генеральский чин и высший русский орден Андрея Первозванного.

Русские дикари и варвары отреагировали ментально и жестко: алхимик вылетел за пограничный шлагбаум так быстро, что не сразу сообразил, что произошло и почему у него на заднице отпечаток солдатского сапога. Бедняга не следил

за русской научной литературой и представления не имел, что в журнале Академии наук давным-давно напечатана статья, в пух и прах разносившая искателей философского камня и тому подобных мошенников...

Во времена Екатерины Великой Казанов в Европе резко поплохело: его последовательно выслали из Флоренции (темная история с подложным векселем), из Мадрида (незаконное хранение оружия), из Вены и Парижа (не уточнил, в чем там дело, но безусловно очередные вольности с законом). «Граф» решил окутить территории, где прежде не бывал, а потому ни в чем таком и не засветился. Приехал в Берлин и стал добиваться у Фридриха Великого какого-нибудь теплого местечка, вдохновенно расписывая, что он большой специалист по разбивке парков, искусный инженер-гидравлик, великий финансист и, наконец, большой знаток военного дела.

Форменным идиотством с его стороны было изображать великого знатока военного дела не перед кем-нибудь — перед Фридрихом. Да и остальные его басни смотрелись неубедительно. Помимо военных талантов, Фридрих немало сделал для государственного строительства. В массовом порядке использовал иностранных специалистов, не обращая внимания на их национальность и религию (полное впечатление, что сам он не верил ни в Бога ни в черта). Французы и евреи собирали налоги, вообще рулили финансами — так

что со временем пустили в обращение конвертируемый и полновесный серебряный талер. Чехи строили плотины и занимались мелиорацией. Фридрих пускал в Пруссию всех иностранцев, кто собирался взяться за земледелие и какие-либо полезные ремесла. Впервые в мировой истории посадил на землю цыган, без насильственных методов, цыгане как миленькие пахали, жали и сеяли. (Ехидно замечу в скобках: после такого наплыва иностранцев все вопли нацистов о «чистоте арийской расы» выглядят полным идиотством.)

Одним словом, Фридрих быстро понял, что за птица к нему залетела. В шею не прогнал — обладая нешуточным чувством юмора (что легко понять, читая его переписку, изданную при Екатерине Великой в России), он с милой улыбкой предложил залетному гостю должность... воспитателя в кадетском корпусе. Не бог весть что, конечно, но жалованья хватит и на пиво с сосисками, и на недорогих девок, до коих Казанова был большой охотник, настолько, что его имя в этом плане стало нарицательным наряду с Дон Жуаном.

Однако для «великого мага» подобное предложение было крайне оскорбительным, и он, распрощавшись, направился в Санкт-Петербург. То ли он слышал кое-что о бесславной участи двух помянутых алхимиков, то ли искал разнообразия. Как бы там ни было, в роли великого мага он выступать не стал, а позиционировал себя как видного экономиста — наподобие Явлинского.

Он в ту пору считался европейской знаменитостью, ну а то, что за ним тянулся изрядный шлейф криминальных скандалов, ничему, в общем, не мешало — в те бурные и интересные времена подобное числилось за многими знаменитыми людьми, в том числе и теми, кто не имел никакого отношения к магии и алхимии...

Отношение к магам, алхимикам и астрологам у Екатерины было однозначно отрицательное (о чем подробнее позже). То ли ей стало любопытно своими глазами посмотреть на живого мага, то ли ее привлекла репутация «крупного экономиста». Как бы там ни было, довольно скоро она Казанову приняла. Воодушевленный Казанова выложил кучу проектов: как реформировать календарь, как развести шелковичных червей, как колонизировать пустующие земли в Поволжье и Сибири, как завести немалое количество шотландских овец, чтобы получать высококачественную шерсть.

Екатерина даже больше, чем Фридрих, приглашала в Россию дельных иностранцев. Не берусь судить, как там обстояло с реформой календаря, но все остальные планы Казановы в общем были довольно толковыми и могли принести прибыль. Но наверняка они таковыми были лишь в кратком изложении, а вот детали Казанова, несомненно, приводил самые фантастические. В итоге Екатерина ни одного из его прожектов так и не приняла. Еще дважды принимала «видного экономиста»,

беседовала о высоких материях, но не собиралась назначать Казанову даже воспитателем кадетского корпуса. Максимум, чего он добился, — чашечки кофе, собственноручно поданной Ее Императорским Величеством. Почетно, конечно, но денег это, понятное дело, не принесло ни копейки.

С горя Казанова занялся любимым делом — эротическими забавами, для чего прикупил в подмосковной деревне крестьянскую девушку. Не у помещика, а у ее собственных родителей — времена тогда стояли непринужденные, да и простой хозяйственный расчет диктовал: девка в крестьянской семье — лишний рот, когда-то еще удастся пристроить замуж... Крестьяне в любой стране и во все времена люди очень практичные.

Однако имевшиеся при себе денежки таяли, а от императрицы, теперь стало совершенно ясно, было не выщыганить ни копейки. Казанова собрал вещички и покинул Петербург тихо, культурно, без всяких скандалов и стычек с полицией — что ему далеко не в каждой европейской столице удавалось...

Спустя некоторое время в Санкт-Петербурге объявился и Калиостро. Сначала ему повезло гораздо больше, чем Казанове, но потом повезло гораздо меньше...

Конечно, первым делом он стал добиваться аудиенции у императрицы, но так ее и не удостоился. Светилом экономики он себя не объявлял, представлялся чистейшей воды магом, а эту пуб-

лику Екатерина терпеть не могла. К тому времени в столичном театре играли целых три сочиненные ею пьесы-комедии, в которых Екатерина беспощадно высмеивала искателей философского камня, всевозможных гадалщиков и прочих, извините за выражение, экстрасенсов...

Это было огорчительно, но не смертельно. Некоторое время Калиостро болтался по великосветским салонам и домам аристократов, зарабатывая очень даже неплохо. Вызывал духов, пророчествовал и демонстрировал разные чудеса, имевшие большой успех. Калиостро на самом деле считался большим мастером по части фокусов. Не исключено, что он изучил переведенную на несколько языков немецкую книгу под длиннющим, как в те времена было принято, названием *Onomatologia, curiosa artificiosa et magica*, или «Словарь натурального волшебства, в котором много полезного и приятного из Естественной Истории, Естественной Науки и Магии, азбучным порядком предложено».

При Екатерине II книгу эту издавали и в России. К превеликому сожалению, мне удалось раздобыть только первый том, от А до М включительно. Чтение интереснейшее: масса любопытных фактов чисто научного характера, интересных и сегодня, советы, как самому сделать воздушного змея или барометр, — а также наставления, как с помощью подручных средств, порой довольно простых, убедительно изобразить нечто магическое. Хотите на-

солить соседу, с которым вы в ссоре? Устройте ему «явление привидения». Нет ничего проще. Поймайте кошку, смолой закрепите у нее на лапках половинки скорлупы грецкого ореха и запустите к соседу на чердак ночной порой. Животинка примется громко топотать, а если кто и поднимется со свечой на чердак посмотреть, в чем там дело, кошка, понятно, спрячется в темном уголке. Когда хозяин уйдет, снова раздастся топот. Немудрено принять за настоящее привидение...

Примерно так, только на более высоком уровне, Калиостро дурил знатных лохов, что блестяще спародировано в великолепном фильме Марка Захарова «Формула любви». Ну а параллельно Калиостро всюю торговал «эликсирами вечной молодости» (и даже, кажется, бессмертия) и «микстурами от всех болезней сразу» — наверняка черпал из одной бочки. Увы, в данном случае наши соотечественники ничем не отличались от просвещенных европейцев — волшебные эликсиры расходились, как мороженое в жаркий день. Из чего их варил Калиостро, так и осталось неизвестным — наверняка из лебеды и прочего бурьяна, сорванных, чтобы далеко не ходить, у себя же на задворках. Что ж, по крайней мере, от этих эликсиров никто не только не помер, но и поноса не заработал, а это несомненный плюс...

Ограничься он этим, все было бы в шоколаде, но «великий маг» заигрался. Соблазнившись обещанными огромными деньгами, взялся исцелить

смертельно больного грудного ребенка из весьма знатного и богатого семейства. Увез его к себе, но, поскольку в медицине разбирался как-то приблизительно, ребенок умер. Калиостро купил у каких-то бедняков из подмосковной деревни подходящего по возрасту ребенка и торжественно предъявил его родителям в качестве исцеленного волшебными эликсирами чада.

На чем и крупно погорел. Это нам, мужчинам, все младенцы (по себе знаю) кажутся одинаковыми, как горошины из одного стручка. А вот женщины обладают каким-то полумистическим даром вмиг отыскать своего ребенка среди множества его ровесников. Мать едва ли не мгновенно обнаружила подмену...

Вот это уже были не безобидные забавы вроде вызывания духов и прочих оккультных шалостей, на которые смотрели сквозь пальцы и власти, и спецслужбы. Поблизости замаячили хмурые господа из Тайной экспедиции — как при Екатерине ради пущего благолепия нарекли зловещую Тайную канцелярию. Жутковатая была контора, ничем не уступавшая венецианской инквизиции, считавшейся самой лютой из всех европейских инквизиций, — разве что работала без малейшей религиозной подоплеки. Калиостро уносил ноги из России в величайшей спешке...

О двух итальянских прохвостах следовало рассказать еще и потому, что оба они побывали в Петербурге (Бог даст, когда-нибудь напишу от-

дельную книгу о бывавших в Питере знаменитых, в том числе и печально знаменитых иностранцах).

Позже на сцене театра в Эрмитаже была поставлена комедия «Обманщик», сочиненная лично императрицей. Государыня вывела Калиостро под трудно произносимым именем Калифалкжерстон...

До сих пор можно прочитать в недавно вышедших книгах, что в Санкт-Петербурге побывал и третий член звездной троицы, Сен-Жермен. И не просто побывал: дружил с Алексеем Орловым, сыграл какую-то роль в свержении Петра III. Вот только пребывание в России Калиостро и Казановы прекрасно документировано, а о Сен-Жермене в архивах ничегошеньки нет, мемуаристы тех времен (а их было немало) ни словечком не упоминают о Сен-Жермене...

И Казанова, и Калиостро кончили, смело можно сказать, уныло. Спрос на магов и гадалей не уменьшился нисколько, но оба к пожилым годам как-то подрастеряли прежнее искусство мастерски разводиться лохов и подрабатывали чем придется. Казанова в период особого безденежья трудился мелким стукачом той самой венецианской инквизиции. Закончил свои дни в Чехии, библиотекарем в имении графа Вальдштейна.

Калиостро не повезло еще больше. В конце концов он приехал в Рим и попытался проверить фокус, несколько раз приносивший ему неплохие денежки в разных европейских столицах,

где он учреждал «египетское масонство» с собой, любимым, во главе, драл с лохов солидные вступительные взносы, делился частичкой «тайных знаний египетских жрецов», обещал духовное и физическое совершенство и даже 5557 лет жизни (почему он выбрал именно эту цифру, даже не круглую, я так и не понял). И всякий раз успевал вовремя смыться с набитыми золотом карманами.

Этот финт он решил проделать и в Риме. Где у него были мозги — решительно непонятно. Это было примерно то же самое, как если бы торговать у мечети свиной. Давненько уж папа римский (в те времена не только духовный, но и светский владыка, правивший немаленькой Папской областью) издал указ, по которому смертной казни подлежал всякий, решивший бы завести в его владениях масонство, не важно какое, хоть египетское, хоть папуасское.

Калиостро сгресли едва ли не моментально. Следователи в короткие сроки ухитрились проделать титаническую работу: старательно восстановили в мельчайших деталях «трудовую биографию» Калиостро и историю его многолетних гастролей по Европе. Получился толстенный том с превеликим множеством, как нынче говорят, «доказанных эпизодов». Пытать его не пытали — на дворе все же стояли новые времена. Следователи поступили в соответствии с духом времени: напечатали досье для широкого распространения, благодаря

чему немало экземпляров сохранилось до нашего времени. Неизвестно, собирались ли ему всерьез отрубить голову — прежде чем состоялся суд, Калиостро расхворался и помер в камере. Как водится, самых упертых его фанатов никакие печатные разоблачения ни в чем не переубедили.

На этом фоне особняком стоит судьба третьей «звезды» — Сен-Жермена. Как и его настоящее имя с национальностью, смерть «графа» окутана мраком совершеннейшей неизвестности. Похоронен он вроде бы в Италии — но могилу отыскать так и не удалось. После смерти все бумаги Сен-Жермена старательно сжег его покровитель — гессенский курфюрст, отсюда можно и сделать вывод, что умер «маг» все же в Германии. Год смерти вроде бы известен — 1784-й. Однако при рассмотрении выясняется, что это не год смерти, а год, после которого имя Сен-Жермена перестало упоминаться в документах эпохи. А это вовсе не означает еще его смерти...

Одним словом, совершеннейший мрак. Словно открылась однажды некая дверь в стене, и оттуда вышел этот загадочный человек, а потом в эту же дверь удалился.

Из-за этой полной загадочности Сен-Жермену выпала посмертная судьба, какой не удостоились две остальные «звезды». С завидным постоянством возникали пересуды, что Сен-Жермен (в свое время уверявший, что живет на свете пару тысяч лет, встречался с массой исторических личностей про-

шлого, в том числе и с Иисусом Христом) вовсе не умер, а продолжает странствовать по свету под разными именами. Говорили, что его видели во время Французской революции в одной из тюрем среди заключенных-аристократов. Что видели в середине XIX века в Италии, а где-то еще — перед Второй мировой войной. До сих пор существует секта так называемых баллардистов, которые почитают Сен-Жермена наравне с Христом (хорошо еще, что к нам эта публика как-то не заглядывала). Нужно признать, неплохая карьера получилась. Да и мемуары Казановы издаются до сих пор как любопытный документ эпохи. Один бедняга Калиостро, незадачливый «синьор Джузи», оказался в тени...

Теперь поговорим о гадании и прорицаниях. Точнее, об одной-единственной представительнице этого интересного ремесла. К Петербургу она не имеет никакого отношения, но очень уж яркий и колоритный пример. Дама, во многом заложившая основы и очертившая направления, по которым впоследствии двинутся многочисленные последователи и последовательницы. Вздумай кто-нибудь составить первую десятку самых знаменитых ворожей и гадателей за последнее два с лишним столетия, наша героиня без малейших натяжек оказалась бы там.

Мадемуазель (она так никогда и не выходила замуж) Мария Ленорман, рабочий псевдоним — Сибилла.

Как и подавляющее большинство ее сестер и братьев по ремеслу, родилась в глухой провинции и происхождения была самого простого. Вскоре после начала Французской революции, подобно многим энергичным молодым провинциалам обоего пола, стремившимся завоевать столицу, девушка приехала в Париж из родных мест, где трудилась то ли модисткой, то ли белошвейкой (в точности никогда не будет установлено, да и особой необходимости в этом нет).

Девятнадцать лет, ума и энергии хоть отбавляй — но ни гроша за душой. Связей и покровителей тоже нет. При таких стартовых условиях подняться адски трудно. Шитьем особых денег не зарабатываешь, к тому же немало денежных парижан, которые могли бы стать выгодными клиентами, либо сидели по тюрьмам, либо по причине дворянского происхождения бежали из Франции. Остается разве что податься в путаны, спрос на них есть и во времена всевозможных революционных потрясений, — но, если рассудить, заработки рядовых тружениц панели не так уж и высоки, а для того, чтобы войти в высшую категорию элитных «камелий» наподобие знаменитой Теруань де Мирекур, должно быть, не хватало красоты. Как выражались когда-то, кругом шестнадцать. Четыре сбоку, и ваших нет. Печалька...

Будь это в более «отсталые», «реакционные», «феодалные» времена, провинциалочка, скорее всего, подалась бы все же в проститутки или,

поднимай выше, трактирные служанки — ну или за гроши занималась бы шитьем. Однако, к счастью девушки, было всенародно объявлено, что Век Просвещения достиг своей высшей точки и наступила Эра Разума, покончившая в том числе и с «поповскими суевериями». Печальный исторический опыт показывает: как только где-то заведется Эра Разума, в первую очередь отчего-то расцветают всевозможная мистика и оккультизм (вспомните хотя бы угар «перестройки», не к ночи будь помянута). По всей Франции рушили церкви, убивали отказавшихся присягнуть революции священников. Поскольку совсем уж без веры как-то и нельзя, срочно ввели некий «культ Верховного Существа», в котором мало что понимали сами его создатели, а широкие массы ничего не понимали вовсе. Эра Разума раскрутилась на полную катушку — уводите детей и женщин, тушите свет...

Уловив текущий момент не хуже радара, мадемуазель Мари, должно быть, наскребя все же кое-какие деньжишки, сняла помещение под кабинет и объявила, что предскажет будущее любому и всякому — ну, разумеется, не бесплатно и не за гроши.

Небедный народ повалил валом, получая за свои денежки убедительно выглядящие и красиво оформленные предсказания. Обстановка была самая завлекательная, «материализация духов и раздача слонов» производила нешуточное впечатление. Когда знакомишься с многочисленны-

ми «творческими методами» милой Мари, порой дух захватывает. В самом деле, впечатляет: мадемуазель гадала на картах, по звездам, по линиям руки, на кофейной гуще, на яичном белке, на расплавленном свинце, по лампаде, по покойникам, с помощью «чародейной лозы», по полету птиц. Впечатляет? Вот то-то...

С самого начала ворожея озаботилась тем, чтобы подобрать эффектный «творческий псевдоним». В подобном ремесле он играет огромную роль. Оглянемся на наши сегодняшние реалии. Вряд ли нарубит бабла «колдунья Нюша» или «ведьма Пелагея». Зато «магистр черной магии Анжелика» или «потомственная ведьма Изабелла» — совсем другие расценки. (У проституток, кстати, обстоит точно так же — черта с два вам попадется Дуня или Маня — косяком идет Анжелики с Изабеллами...)

Желающие узнать будущее шли рядами и колоннами, пихаясь локтями в очереди, словно в битком набитом московском трамвае из романа «Золотой теленок». Денежки текли приятно звенящим потоком — не знаю подробностей, но уверен, что бумажками ворожея не брала, во времена всевозможных потрясений умные люди с ними не связываются, предпочитая золото и серебро. Расходы на реквизит были минимальными: яйца и свинец стоят недорого и окупаются быстро, птички вообще летают бесплатно, а покойники не протестуют, когда их используют для гадания

(в чем заключалось гадание по покойникам, я пока что не доискался, но обязательно когда-нибудь докопаюсь — жутко интересно).

Так вот, наша резвушка псевдоним себе подобрала подходящий — Сибилла. Так звали легендарную древнеримскую колдунью и ворожею (в переводе — Вдохновленная Богами). Во времена революции была большая мода на все древнеримское. Сибилла процветала, несколько раз переезжала в помещения все более и более уважаемые и наконец обосновалась прочно в доме номер пять на рюи (то бишь по-нашему на улице) де Турнон, где устроила вовсе уж роскошный кабинет. Без этого в подобном ремесле просто нельзя, ворожея, сидящая в обшарпанной комнатенке с висящей на шнуре без люстры электрической лампочкой впечатления на клиента не произведет и особых денег не заработает. А впрочем, и в наше время роскошная люстра не годится: непременно нужно загадочное мерцание свечей, магический хрустальный шар и прочие завлекательные декорации (вот только, на мой взгляд, чучело крокодила под потолком, как это любили средневековые алхимики, — уже перебор и пошлость. Я лично его бы не вешал — но свечей не пожалел бы...).

Сибилла выпустила в сжатые сроки несколько книг о себе, любимой. Тиражи разлетались со свистом и за пределами Франции. На испанской границе, откуда хмуро поглядывали на соседское коловращение жизни и громыханье Эры Разума

инквизиторы, они, правда, поневоле притормозили, но во всей остальной Европе расходились бойко — что в католических странах, что в протестантских, что в нашем богоспасаемом Отечестве, где самые продвинутые со всем пылом приобщались к передовой европейской культуре. Вполне возможно, Сибилла первой в истории книготорговли придумала крайне эффективный маркетинговый ход: на обложках ее книг печатался длинный список книжных магазинов по всей Европе, где эти книги можно было купить, в том числе в Москве и Петербурге, — спешу сообщить, что наши предки в этом плане нисколючко не отставали от прогрессивного Запада.

К Сибилле в немалом количестве заявлялись дамы и господа из высшего общества, сливки аристократии — эти и серебро презирали, расплачиваясь исключительно золотом. Правда, потом их число изрядно поубавилось — не из-за разочарования в талантах мадемуазель Мари, а оттого, что везучие обосновались в эмиграции, а невезучие — по тюрьмам. Доходы ворожеи от этого ничуть не убавились — чаще всего люди стремятся узнать будущее в смутные времена, особенно когда свирепствует революционный террор и отсеченные головы падают в корзины, как сухие листья с веток. Аристократия в массе своей оказалась на фонарях, в эмиграции, в тюрьмах, на эшафоте — но ей на смену пришли лопавшиеся от денег всевозможные темные дельцы, раз-

богатевшие на распродаже конфискованной дворянской недвижимости, финансовых спекуляциях и поставках в армию. Им тоже было интересно узнать свое будущее в эти зыбкие времена. Так что Сибилла процветала по-прежнему.

(Уточню еще: при всем уме и оборотистости ей все же не пришло в голову увешать себя фантазийными орденами размером с тарелку. Время для таких забав еще не наступило. Недочет восполнили наши нынешние ведуньи: у каждой второй — непременно на цепи, на шее! — красуется какая-нибудь Звезда Высшей Магии Самой Высокой Степени или аналогичная блямба с красивым названием.)

А потом к Сибилле вереницей потянулись революционные вожди: Мирабо, Демулен, Дантон, Барер, Тальен, Гош... (Это у нас как-то повелось, что вождь революции должен быть один, а у французов их имелась целая кодла — в конце концов перерезавшая друг друга, потому что на вершине власти стало чертовски тесно, а Боливар не выдержит двоих. Недорезанных вождей дорезали вовсе уж бесцветные личности, а потом пришел Наполеон и поступил как тот лесник из анекдота.)

В том, что обстояло именно так и вожди тянулись вереницей, сомневаться не приходится — как-никак об этом живописно повествовала сама Сибилла в очередной книге. Грешно не верить такому авторитету. В конце концов в сопровождении Сен-Жюста (французского Дзержинского

и Гиммлера в одном флаконе) явился, надвинув на лоб шляпу, сам всемогущий диктатор Робеспьер. Лучше бы не приходил, крепче спалось бы... Взвзявшись гадать жутковатому гостю на картах, Сибилла вытянула роковую, зловещую девятку пик — что означало скорую смерть...

Источник? Ну что вы как дети малые! Сама Сибилла потом писала, что так и было, что Робеспьер побледнел как смерть, что «чудовище задрожало»...

А там в тюрьму угодила и сама Сибилла, то бишь гражданка Ленорман. (Французская революция не признавала ни псевдонимов, ни титулов, даже свергнутый король числился как «гражданин Канет» — по своей старинной родовой фамилии.) Причины ареста покрыты мраком неизвестности, у Сибиллы была своя версия, но о ней — чуточку позже. А пока что скажу: в то время угодить в тюрьму, а потом и на гильотину было в сто раз легче, чем попасть в ЧК году в девятнадцатом. Революционные власти приняли «Закон о подозрительных», согласно которому любой сознательный гражданин и патриот мог сграбастать на улице за шиворот любого, показавшегося ему подозрительным, и отволочь куда следует — а оттуда, как правило, уже не возвращались. Работал адский конвейер — после пародии на суд заключенные попадали прямиком в повозку, везущую на гильотину. Оказаться оправданным было так же трудно, как сорвать банк в Монте-Карло или выиг-

рать главный приз, этак с миллиончик долларов, в какой-нибудь из лотерей США. Конечно, случилось, что и банк срывали, и миллион выигрывали, но подобных счастливых было ничтожно мало по сравнению с числом проигравших, хорошо, если один на тысячу...

(Не в тему, но интересно. Один из революционных судей, террору в глубине души не сочувствовавший, применил простой, но эффективный метод. Если его просили за какого-нибудь бедолагу добрые знакомые, судья брал дело приговоренного со стола и убирал подальше в пыльный шкаф. Этого было достаточно. Оставшиеся дела уносили в трибунал, никто не проверял отчетность, не сверял списки заключенных, не сверял их со списком осужденных — не до того было работавшим на конвейере. О счастливице попросту забывали, и он сидел в камере, ожидая лучших времен, — которые в конце концов наступили...)

Ленорман сидела в тюрьме Пти Форс, а поблизости, в тюрьме Карм, оказалась Жозефина де Богарне, жена виконта и генерала. Виконт был не скрытым контрреволюционером, а человеком в революции заметным, в свое время стал депутатом Генеральных штатов (первый в истории Франции выборный парламент, как раз и заваривший революционную кашу), дослужился до генерала, был главнокомандующим Рейнской армией, но потом, как это частенько в отношении своих водилось, партайгеноссе решили отправить и его

под трибунал. Это никак не объяснить одним только тем, что Богарне был дворянином, вдобавок титулованным. Были и какие-то другие соображения: едва ли не в тот же самый день за решетку угодил другой революционный генерал, Гош, происхождения самого что ни на есть благонадежного — сын конюха, пролетарий от сохи. Скорее всего, как бывало и в других странах и в другие времена, штатские члены хунты опасались чрезмерного усиления военных и потихоньку устраняли кандидатов в военные диктаторы. Нельзя сказать, что они поступали глупо и неосмотрительно: несколько лет спустя как раз один такой честолюбивый генерал, звавшийся еще Наполеоне Буонапарте, как раз и устроил штатским кузькину мать, скромно произведя самого себя в императоры, — ну не производить же кого-то другого? Это было бы где-то даже и смешно...

Ну а следом подмели и Жозефину — как члена семьи врага народа. Если кто-то запомнил, Жозефина — будущая императрица Франции, супруга Наполеона, прожившая с ним пять лет. А потом Наполеон с ней развелся: никак не могла родить наследника, а любому монарху наследник жизненно необходим, чтобы трон оставался в семье.

Жозефина прекрасно понимала, как велики ее шансы попасть на гильотину и как малы шансы выжить. В таких условиях человек особенно озабочен знанием о своем будущем — каковое зна-

ние способны обеспечить как раз гадалки. Кое-какой жизненный опыт по этой части у Жозефины имелся: она родилась на острове Мартиника в Карибском море, тогдашней колонии Франции, и ей, совсем юной, старуха негритянка предсказала, что когда-нибудь Жозефина будет королевой. Большинство рассказов об этом исходило от самой Жозефины, обожавшей все таинственное и загадочное, — но есть достаточно достоверные свидетельства, относящиеся ко временам, когда Жозефина с Наполеоном еще даже не была знакома. Лично я не стал бы подсмеиваться над старыми негритянскими колдуньями — своеобразные, знаете ли, бабушки. Рассказывали кое-что уже в поздние советские времена воевавшие в Африке офицеры, причем не во всеуслышание и довольно неохотно. Как выразался один из героев Стругацких: это впечатляет, когда на ухо и не каждому...

Жозефина и до ареста не могла не слышать о Сибилле — мадемуазель Ленорман была парижской знаменитостью. Совсем нетрудно вычислить, откуда она узнала, что Сибилла сидит за решеткой по соседству. В тюрьме Жозефина, по достоверным свидетельствам, крутила роман с генералом Гошем, как мы уже знаем, клиентом Сибиллы. Наверняка он и рассказал.

Вот с этого места давайте поподробнее. Не стоит думать, что виконтесса и генерал сидели в одной камере — камеры, как водится, делились на мужские и женские. В те времена

было как-то не принято отбирать у заключенных деньги и вещи (понятно, за исключением ножей и бритв). Человек мог сидеть на нарах с карманами, набитыми золотом. Совершенно официально ему разрешалось за свои деньги покупать на воле любую еду — и вино тоже. Ну а неофициально тюремщики в массовом порядке оказывали платные услуги: передавали письма на волю и с воли, подыскивали пустую камеру, где парочки могли бы побыть пару часов наедине, как Жозефина с Гошем, а то и пускали немалое количество узников обоего пола в какой-нибудь большой зал, где устраивали настоящие балы с танцами и шампанским (многие тюрьмы были попросту приспособленными под тюрьмы дворцами знати, так что нашлось где устраивать балы). Думается мне, что нужно с полным пониманием отнестись к осужденным на смерть (большей частью — совершенно безвинно) людям, которые пользовались любой возможностью развлечься...

Да, скорее всего, о том, что Сибилла сидит тут же неподалеку, в Пти Форс, Жозефине рассказал Гош. Он, кстати, сидел в камере, соседней с камерой Жозефины, а с другой стороны располагалась камера ее законного мужа. Франция, о-ля-ля... Впрочем, Жозефина с мужем давно уже жили раздельно, еще со времен Мартиники, когда Жозефина, мягко говоря, на стороне поступила крайне легкомысленно.

Похоже, деньги у Жозефины были. Меж нею и Сибиллой завязалась оживленная переписка. Тюремщики сновали туда-сюда как челноки. Естественно, Жозефина просила об одном: предсказать будущее ей и ее мужу — как, наверное, и мы с вами сделали бы на ее месте.

Сибилла энергично взялась за дело. Необходимого магического инвентаря под рукой не было: ни расплавленного свинца, ни яиц, ни уж тем более покойников. Птицы там не летали, да и сомнительно, чтобы в зарешеченное тюремное окошко были видны звезды. Однако Сибиллу такие мелочи не волновали. У нее имелось в запасе еще одно железное средство: как писала она сама в своих книгах, «составляла гороскопы при помощи математических выкладок». Вот тут уж не подкопаешься — за деньги нетрудно раздобыть в тюрьме что корзину шампанского, что перо и чернила...

Работа закипела. По просьбе Сибиллы Жозефина сообщила свой возраст, месяц и день рождения, первые буквы имени и места рождения, написала, какое животное и какой цветок любит больше всего, какие — меньше всего. Сибилла всегда подходила к делу очень обстоятельно. С помощью высшей математики (совершенно непонятно, где и когда она успела эту науку постичь) быстро составила гороскоп, точнее, предсказание судьбы.

Ах, какой это был гороскоп! Судите сами: «Ваш муж будет одной из жертв революции. Через два

года после его смерти вы выйдете замуж за молодого офицера, которому звезда его сулит великое будущее. Вам суждено двенадцать лет необычайного счастья и высокого положения. Потом вы лишитесь мишуры величия, но сохраните всеобщее уважение».

Поразительная точность предсказаний! Все сбылось как по писаному (кстати, та старая негритянка, что предсказала Жозефине королевскую корону, ни словечком не упомянула, что дело кончится разводом). Одна маленькая подробность, которая портит всю картину... Впервые пророчество было обнародовано в очередной книге Ленорман только в 1814 году, уже после смерти Жозефины. Согласитесь, это гороскоп чуточку обесценивает.

Вообще-то некий гороскоп все же был составлен (иначе не понять некоторых последующих событий). Сама Ленорман приводила несколько его вариантов, изрядно друг от друга отличавшихся. Самым правдоподобным предстает первый из них: «Вы испытаете большое горе, но уцелеете». «Большое горе» — это, конечно же, смерть мужа — генерала успели казнить. Однако не требовалось сверхъестественной проницательности, чтобы предсказать именно такой исход — все прекрасно знали, сколь ничтожному числу узников удавалось выйти на свободу. Ну а если бы не уцелела сама Жозефина, некому было бы уличать Сибиллу в обмане...

А вскоре и Жозефина, и Сибилла, как и множество других несомненных смертников, оказались на свободе. Громыкнул исторический, без всякого преувеличения или иронии, день — девятое термидора Второго года Республики...

Тот, кто подзабыл историю, может удивиться этакой странной дате. Все объясняется очень просто: революционеры, помимо других реформ, ввели новый календарь. Вместо поповского Рождества Христова счет лет велся по «годам Республики». Все месяцы получили новые революционные названия: плювиоз, вантоз, термидор. Во французском языке все они имеют свой смысл: месяц дождей, месяц жатвы, месяц жары. Термидор — это одиннадцатый месяц нового календаря, середина июля — середина августа (месяцы начали отсчитывать со дня введения календаря). Ну а второй год республики — это, если по-человечески, 1794-й. 9 термидора — это 27 июля.

Вообще-то этим не ограничились, и каждый день года получил новое революционное название, главным образом в честь цветов и фруктов: день сельдерея, день василька и так далее. Думаю, читатель простит, если я не буду углубляться в такие уж тонкости и выяснять, днем какого бурьяна именовалось 9 термидора. Чтобы вы лучше почувствовали колорит эпохи, добавлю лишь: вместо «поповских» имен ввели новые, насквозь революционные. В большой моде были «идейные», принадлежавшие опять-таки древнегреческим и древ-

неримским «прогрессивным деятелям», «борцам с тиранией». Брут, Сцевола, Эпаминонд и так далее. Взрослые люди в массовом порядке переименовывались — в том числе и в честь Марата, одной из самых кровавых революционных собак (заодно, кстати, в честь Марата ненадолго назвали город Гавр. А вы полагаете, что это большевики придумали — переименования городов и революционные имена? Как говорят в Одессе, если таки да, то вы себе больше так не думайте).

«Идейные» имена давали и новорожденным — «близкие к растительной и живой природе». После победы революционных войск при Жемаппе у министра Лебрена родилась дочь — и счастливый сознательный папаша назвал дите Цивилизация-Жемапп-Победа (желающие могут сами перевести это на французский, мне как-то лениво). Появились Ваш, Рюбарб, Каротта — по-французски соответственно Корова, Салат и Морковь. Правда, большого распространения эта практика у нормальных людей не получила (вот вы бы назвали сына Салатом, а дочку Коровой? То-то). Продержалась она недолго, после падения Робеспьера без особого шума Коров и Салатов (подозреваю, и Цивилизаций тоже) переименовывали более пристойными человеческими именами.

Если вы хотите исторических анекдотов, их есть у меня. Напоминаю: когда-то «анекдотами» именовались реальные случаи из жизни знаменитых людей. Так вот, очень конфузно пришлось одному

юному офицеру. На волне всеобщего энтузиазма он изменил в фамилии одну букву и стал Маратом — ну а потом, когда отношение к Марату резко изменилось, пришлось переименовываться обратно. Настоящая фамилия его была Мюрат — будущий маршал Наполеона и король неаполитанский (согласитесь, сидеть на престоле человеку по имени Марат было бы как-то неудобно. Все равно как если бы группенфюрер СС звался Ленин Швайнебург). Ну всякое случалось. Один юный революционер из простонародья наколот на груди огромными буками СМЕРТЬ КОРОЛЯМ! Это был некто Бернадотт, впоследствии маршал Наполеона, а еще позже король шведский, родоначальник и сегодня правящей в Швеции династии. Когда обмывали тело усопшего короля, татуировку и увидели (интересно, а как эту наколку не усмотрели шведские любовницы, которых Бернадотт как истый француз просто обязан был иметь?).

Ну ладно, посмеялись. Давайте о вещах серьезных. Итак, термидор...

Видный деятель революции Вернио сказал как-то: «Революция как Сатурн: она пожирает собственных детей». Вскорости и ему отрубили голову. Летом 1917 Сталин в одной из газетных статей напишет: «Революция не умеет ни жалеть, ни хоронить своих мертвецов». Так и обстояло во все времена под любыми широтами. Разве что с поправкой на национальную специфику. В Ис-

пании враждующие политические партии выясняли отношения с помощью своих боевых отрядов, вооруженных броневиками и пулеметами. В Советском Союзе проигравших вождей сначала вегетариански лишали всех постов — ну а потом, когда они не унимались и начинали плести заговоры, стреляли. Один из вождей победившей кубинской революции Че Гевара, разойдясь с соратниками во мнениях о том, как им обустроить Кубу, добровольно ушел со всех высоких постов и отправился в Боливию разжигать партизанское движение — но его довольно быстро убили солдаты правительственных войск.

Ну а во Франции вожди революции, не стремясь к разнообразию, последовательно отправляли друг друга на гильотину. Как можно было предвидеть, в конце концов по коридорам Конвента (аналог советского Верховного Совета) среди партайгеноссе зашелестел шепоток: товарища Робеспьера пора убирать. От разговоров перешли к делу — составилась очередной заговор.

Нужно сказать, что основания для этого, по-моему, имелись веские — товарищ Робеспьер откровенно пошел вразнос. Изучая последние месяцы его жизни, убеждаешься: Робеспьер уже и сам не знал, куда он ведет страну, к чему стремится, чего добивается. Он просто рубил головы направо и налево, по поводу и без повода. Никакой системы в многочисленных казнях уже нельзя было усмотреть. Одному отрубали голову

за дворянское происхождение, другому (прокурор Парижа Шометт) за то, что назвал церковные колокола «брелоками Господа Бога». (С Церковью Робеспьер боролся яростно, но в то же время люто ненавидел атеистов, тонкая натура.)

Согласно упоминавшемуся мной «Закону о подозрительных» на эшафот мог угодить, например, тот, кто с «мнимой скорбью на лице рассказывает о поражении революционных войск». Степень мнимости определял зоркий глаз очередного патриота. Там немало и других формулировок, по которым без малейших доказательств и улик можно было отправить на гильотину кого угодно. В революционном трибунале рассмотрение всякого дела занимало менее десяти минут.

Но Робеспьеру и этого показалось мало. За 49 дней до своего свержения он протолкнул так называемый «Закон 22 прериала». Закон окончательно упразднял защитников (которые и раньше были чем-то вроде мебели), признавал ненужным вызов в трибунал свидетелей и постановлял, что более не требуются вещественные доказательства, вообще какие бы то ни было улики и материальные доказательства. По этому закону за 49 дней было казнено 1376 человек.

Еще неизвестно, чем закончился бы заговор против Робеспьера. Однако он, смело можно сказать, сам подписал себе смертный приговор. На заседании Конвента 8 термидора объявил, что раскрыт очередной заговор и в кармане у него